

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/41/11

И.И. Плеханова

КНИГА «СИБИРЬ, СИБИРЬ...» В. РАСПУТИНА КАК ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ

Книга очерков «Сибирь, Сибирь...» рассматривается в статье как целостное высказывание о проблемах русской колонизации края и современной цивилизации, сосуществования человека и природы, провиденциальном смысле истории. Религиозно-философское миромоделирование определено как антропная теонатурфилософия – оправдание участия человека в двуедином сосуществовании Творца и природы. Определение жанра как лирико-философско-публицистического трактата фиксирует синкретизм образа мышления и высказывания автора: лирического – по типу рассуждения, философского – по проблематике и уровню миропонимания, публицистического – по способу изложения.

Ключевые слова: В. Распутин, «Сибирь, Сибирь...», жанр, антропная теонатурфилософия.

История написания. Книга «Сибирь, Сибирь...» [1] – последнее по времени написания и выхода в печать масштабное произведение В. Распутина. Книга имеет собственную историю: первая публикация в Москве в 1991 г. [2], воспроизведение с дополнениями в 2000 г. в Иркутске, выпуск радикально обновлённой окончательной редакции тоже в Иркутске в 2005 и 2006 гг. Оба варианта – по-советски красочное московское и два подарочных иркутских издания – богато иллюстрированы фотографиями Б. Дмитриева, спутника писателя в путешествиях по городам и рекам Сибири. Время работы над основным текстом – 10 лет для первого издания [3], с переработками за столом – практически 25 лет. Книга связывает три эпохи: начало пришлось на застойные советские годы, первая полная версия вышла в разгар смуты, окончательно текст оформился уже в период стабилизации. Инициатива написания исходила от государственного издательства с умеренно почвеннической программой: «Эта книга составлялась в течение почти всех 80-х годов, потребовались поездки, да и неоднократные, и на побережье Ледовитого океана, и в Горный Алтай, и в Тобольск, и в Кяхту. Откровенно говоря, это была инициатива издательства “Молодая гвардия” – в серии “Памятники Отечества” выпустить книгу о Сибири. Издательство оплачивало не только дорожные расходы, но и фотоплёнку. Тогда это было в порядке вещей: оно заказало книгу, и оно взяло на себя расходы по её подготовке, но вышла “Сибирь, Сибирь...” в самое неподходящее время: её представление, новоязом говоря, презентация, состоялась в начале сентября 1991 года, когда к власти только что окончательно пришли Ельцин и его камарилья. <...> Тираж не был напечатан до конца» [4. С. 3]. Издание 2000 г. на родине писателя было приурочено к Байкальскому экономическому форуму и поддержано областными властями, последняя версия вышла по инициативе предпринимателя и

книгоиздателя Г.К. Сапронова, в оформлении художника С. Элояна, лучшего иллюстратора распутинской прозы.

Так, появление развёрнутого концептуального высказывания о значимости родного края для страны и всего мира, о его прошлом, настоящем и будущем, об отношениях человека и природы, об угрозах современной цивилизации и путях спасения во многом обязано издателем. Но принцип решения темы и конкретное содержание определяются самим автором. В итоге книга состоит из 11 глав, каждая из которых самоценна, и почти все они печатались в журналах по отдельности. Начало повествования – собственный взгляд на сибирский миф, исторический очерк освоения русскими диких просторов («Сибирь без романтики» 1983), завершение – публицистическая характеристика состояния края в тревожном настоящем («Моя и твоя Сибирь» 1990, 2000). Между этими полюсами – представление городов, концентрирующих для автора сибирскую историю («Тобольск» 1967, 2005, «Иркутск» 1979, 2000, «Кяхта» 1985, 1995, 2005), перемежающееся описанием природных чудес («Горный Алтай» 1988, 1999, «Байкал» 1988, 2000, «Вниз по Лене-реке» 1993) и чудес рукотворных («Транссиб» 2005, «Кругобайкалка» 2005). Предпоследняя глава – о чуде сохранения русской самобытности, веры, языка и культуры, в отрыве от органичных природных и социальных условий – буквально на краю света («Русское Устье» 1986, 2000). Сложившаяся композиция иллюстрирует стержневую проблему – соразмерность человека и природы: это наличие необыкновенно богатых ресурсов, природных и человеческих, история как достойной реализации сил и возможностей, так и бездумной или преступной их эксплуатации.

Распутин сосредоточен на осмыслении таких традиционных аспектов сибирской темы, как чрезвычайные суровость и богатство края, особенность здешней человеческой породы, отношения русских сибиряков с государством и коренными народами, неизбывное положение колонии. Писатель почти не коснулся темы каторги и совершенно обошёл тему ГУЛАГа, хотя в последнем издании в главе «Моя и твоя Сибирь» помещена фотография «На месте Колымлага» [1. С. 565]. Главная беда для сибирского патриота – нынешняя незащищённость природы и положение народа на пространстве, которым через неправую власть распоряжается цивилизация эгоистического потребления. Финальные строки звучат как голос истерзанной земли: «Хозяина бы ей, заступника, умного строителя, доброго врачевателя! С лихвой натерпелась она от дуроломов и расхитителей. / Этот зов, тяжкий, как стон, истомлённый, как необвенчанность, и всеохватный, как последняя воля, и стоит сейчас немолчно над Сибирью: “дайте мне Хозяина!”» [1. С. 575]. Сознывая, но игнорируя отрицательные коннотации, связанные в России с понятием «Хозяина», Распутин-публицист рассматривал все факты, события и трагедии, прошлые и нынешние, под знаком религиозно-философского вопроса: способны ли человеческий разум и воля выстроить цивилизацию, соразмерную Природе как чудесному Божьему дару? Так книга, охватывающая временем написания тяжелейший период национальной истории, стала формой наиболее полного прямого высказывания автора. В ней раскрылась мировоззренческая система Распутина, её внутренняя выстроенность определила целостность художественно неоднородного текста.

Определение жанра. Книга «Сибирь, Сибирь...» как целое не имеет жанрового определения. Сам автор, говоря об отдельных текстах, называл их очерками [4. С. 4]. Первый и единственный исследователь публицистики Распутина П.П. Каминский отнёс «цикл очерков о Сибири» [5. С. 144] к историсофской прозе, концепция которой «может быть реконструирована» на всех уровнях: региональном, национальном и глобальном [5. С. 143]. Действительно, система взглядов не заявлена доктринально. Жанровое разнообразие очерков тоже не позволяет унифицировать модус высказывания. «Сибирь без романтики» и «Тобольск», открывающие книгу, обращены вовне и написаны как исторические очерки-обозрения основных вех колонизации, её опасностей, движущих сил и главных действующих лиц. «Вниз по Лене-реке» – лирическая проза, описание сверхрискованного спуска по бурному потоку как духовного спасения от политической катастрофы 1991 г. Другие очерки сочетают концентрированную информацию с проникновенной живописностью, богатую фактологию, неназойливую, но красноречивую статистику с пафосной риторикой при обсуждении острых проблем, фиксация имён преступников против природы и национальных интересов оттеняется краткими, но выразительными портретами реальных подвижников – и все тексты пронизаны авторскими рассуждениями или обличениями, переходящими в проповедь. Таковой, по сути, является финальная часть – «Моя и твоя Сибирь», показывающая, что острые вопросы, поставленные в XIX в. идеологами сибирского самосознания: положение колонии, непросвещенность общества, эксплуатация природы, отношения с инородцами не только не решены к началу XXI в., но усугублены усилиями внешних врагов и внутренним неразумием, хищничеством насильников над природой и историей.

Дискурсивная полифония отражает напряжённое развитие мысли и страстный политический темперамент Распутина, избличавшего противника и требовавшего мобилизации сил сопротивления, духовного и социального. Но не только публицистическая резкость мешает безоговорочно возвести текст в статус строго продуманной историсофской концепции. Очевидно авторское тяготение к мифу, расположенность к нему как источнику информации. Так в обсуждении разбойного прошлого Ермака писатель перекрывал доводы учёных аргументом поэтизированной памяти – исторической песней, в которой атаман просит прощения от царя в обмен на «гостинец» – «Сибирскую сторону»: «Не надёжней ли в этом факте положиться на народную память и народное чутьё, которые редко раздавали понапрасну подобные доблести?» [1. С. 17]. Более того, автор сам инициировал миф о гордом происхождении имени атамана, ибо его не устраивала обыденная этимология, возводящая прозвище к названию артельного котла – будто бы Ермак «в молодости кашеварил в волжской ватаге» [1. С. 61]. Предлагается гораздо более почётная версия: «Но в татарском языке есть это слово, означающее прорыв, проран. И если согласиться с историком XIX века Павлом Небольсиным, что Ермак и прежде своего звёздного прорыва бывал на Чусовой и знал пути в Зауралье, не мог ли он в таком случае сталкиваться с татарами в коротких набегах раньше и получить свою кличку от них за военную удаль?» [1. С. 61]. Знакомство с трудом историка [6], не переиздававшимся с 1849 до 2008 г. и даже не упоминавшимся в академической «Истории Сибири» (1968) [7], актуали-

зация малоизвестных источников, близких собственному пониманию, свидетельствует о глубокой проработке материалов¹, но – исходя из своей позиции.

Распутин вообще больше доверял историографии XIX в., упрекая своих современников в погоне за оригинальностью трактовки давно известных фактов. Так он оценивал споры о значении сражения у Чувашского мыса и захвате кучумовской столицы Искера, игнорировавшие изложение событий в Кунгурском летописце². Распутин скептически оценивал новации XX в. как недоверие народной памяти: «Но уже пошло подхватываться из книги в книгу: не Ермак сбил с сибирского куреня Кучума, а Кучум отдал его чуть ли не добровольно. Бои происходили позже. Казакам, оставившим воспоминания, ни в чём доверять нельзя. Вот что значит привнести в историю увлекательную новизну» [1. С. 62]³.

Сам писатель позволял себе апеллировать к сомнительному источнику, если он был близок желанной картине мира. Рассказывая о жизни «досельных людей» в Русском Устье, Распутин не без иронии, но всё-таки ссылается на псевдодокумент: «Три мира, если верить “Велесовой книге”, было у древних славян: Явь – мир видимый. Навь – потусторонний и Правь – мир справедливости. Явью от Русского Устья остались вот эти две заваливающиеся постройки из хозяйства Шелоховского, наполовину погружившиеся в Навь, откуда она и начинается и продолжается полноправно неподалёку сухоступом кладбища. <...> ...как возданная Правь, одиноко торчит памятник Русскому Устью – сварной металлический лист в виде паруса на коче. Надпись говорит: “Здесь находилось старинное селение Русское Устье, основанное Иваном Ребровым в 1638 году”» [1. С. 547]. Упоминание с оговоркой псевдопамятника русского язычества хотя бы и по печальному поводу, с ироническим подтверждением его правоты, не остаётся приёмом красноречия, поскольку Русское Устье для писателя – пример органичности двоеверия как условия выживания этноса в диалоге с беспощадной природой: «...ничего не оставалось, как впустить в себя тундру в той же мере, как земля здесь впустила воду» [1. С. 506].

Как художник и мыслитель, Распутин не доверял рациональному миропониманию, подозревая его в спекулятивности, а не в приверженности истине. Он был убеждён в правоте предания русскоустыинцев о приходе их предков, спасающихся от притеснений Ивана Грозного, на Индигирку по воде, вдоль полярного побережья, т.е. независимо от государственной воли и лет на 10 раньше похода Ермака. Обосновав достоверность предания косвенно – особо давней, аборигенной укоренённостью в природу и непохожестью на жителей других русских поселений, Распутин ставит вопрос прямо, требуя

¹ Личная библиотека писателя включает «много книг по истории Сибири (начиная с редких трудов Миллера) и Государства Российского» [8].

² «Летопись сибирская краткая кунгурская», её принято считать записью свидетельств участников похода, составленной «из легенд и преданий, рассказываемых уральцами и сибиряками <...> не позднее 20-40-х годов XVII в.» [9. С. 74].

³ В. Распутин не приводит ни имён, ни аргументов «новаторов», но основание для недоверия профессиональным историкам у него, видимо, было: так автор учебного пособия 2013 г. контаминировал сражения 1582 и 1583 гг. с участием Маметкула, любимого племянника Кучума, после пленения которого хан «вынужден был оставить свою столицу Кашлык» [10. С. 65–66].

доверия к народной памяти как жизненно важному знанию: «А теперь спросим себя: почему мы так подозрительны к преданию? Разве в большинстве случаев не доносит оно до нас подлинные события из времён самых древних, даже и ветхозаветных? Предание – не фольклор, не слух или красивая байка, это не художественная, а историческая память, почему-либо не записанная или не могшая быть записанной. Оно и вообще очень отборчиво к факту и берёт факт значительный, переломный, подлежащий не украшательству, но передаче по цепочке <...> Это материал житейского, будничного покроя, отличающийся от праздничного рубищем и простошивом» [1. С. 496]. Если истинность народного представления и понимания собственной истории, по Распутину, обусловлена и обеспечена насущными жизненными интересами, осознана и закреплена коллективным разумом, то очевидно, что и в своей историософии писатель следовал концептуальной установке на сакрализацию памяти.

Итак, даже рассматривая книгу «Сибирь, Сибирь...» структурно – как свод очерков, тематически – как рассказ о проблемах освоения края, концептуально – как историософское осмысление процесса обживания русским этносом нового пространства, необходимо определить генеральную идею, исходя из которой писатель рассматривает все аспекты этого процесса. Развёрнутый авторский текст, раскрывающий фундаментальную проблему в разнообразии её аспектов, принято называть трактатом. Возможность применения такого нелитературного жанрового определения по отношению к книге распутинских очерков требует доказательств.

Содержательная характеристика трактата как жанра указывает на масштабную тематическую заявку, разрабатываемую с сугубо личностной позиции: это «философское, теологическое или научное сочинение, содержащее изложение конкретной темы или постановку, обсуждение и разрешение проблемы. Характерной чертой Т. является его специализация; он пишется, как правило, с целью представить авторские взгляды по поводу избранной темы. <...> Среди особых признаков Т., прежде всего, следует указать на авторскую трактовку темы или проблемы, которая доминирует по отношению к источникам и мнениям, используемым в Т. Разработка темы Т. определяется целостностью замысла автора, претендующего на ее продуктивную трактовку (интерпретацию)» [11]. Исходя из особенностей распутинских рассуждений на общественно-политические темы, книга «Сибирь, Сибирь...» может быть определена как лирико-философско-публицистический трактат. Жанровое определение, предполагающее системность авторских идей, нуждается в системном подтверждении, т. е. в характеристике дискурсивного мышления автора и картины мира, обусловленной интеллектуально-эмоциональными установками писателя.

Образ мышления и высказывания. Мышление Распутина-публициста прочувствованно, поучительно, красноречиво как проповедь истины. Установка на учительность – принцип высокой художественности и условие исполнения социальной миссии литературы, как это декларировано в «Моём манифесте» (1996): «Кафедра (назовём так литературу) допускала разные мнения, но разноречивость в переломные моменты способна восприниматься только с одним знаком. <...> Наступила пора для русского писателя вновь

стать эхом народным» [12. С. 89]. Публицистика тем более ответственна за слово и дело. Учительность как будто противоречит тезису, что система распутинских взглядов не заявлена доктринально, но может быть реконструирована и описана в терминах. Так отмечено: показывая сибиряка как русского человека, способного реализовать волю к свободе и жизнестроительству, писатель рассматривает роль Сибири в истории России в «национально-культурном и антропологическом аспектах» [5. С. 144]. Идея, действительно, не заявлена в строгих формулировках, но ясно проступает в логике авторских рассуждений.

Мышление писателя идеоцентрично постольку, поскольку логоцентрично, ибо слова и рассуждения, по Распутину, самобытны и обладают собственным нравственным потенциалом – разумеется, это слова, значимые для самого писателя. Художественная доминанта сознания, опирающегося на веру, по-своему решает противоречие между изначальностью смысла и содержательностью формы. В гносеологическом плане Распутин стихийный реалист¹, не чуждый номинализму, – и это одно из проявлений дуализма его сознания. В размышлениях писателя о роли Сибири в истории человечества она видится столь значимой, что имя края возводится в степень универсалии – сверхценной субстанции смысла. Таким рассуждением-декларацией начинается книга: «Слово “Сибирь” – и не столько слово, сколько само понятие, давно уже звучит вроде набатного колокола, возвещающая что-то неопредёленно могучее и предстоящее» [1. С. 5]. Примечательно построение ключевой фразы: она начинается со «слова», которое потом уточняется до «понятия», но «понятие» не может «звучать», слабо или мощно, звучит только «слово “Сибирь”» – и круг замыкается, фиксируя внутренней логикой, вопреки оговорке, самобытность слова-логоса. Подтверждение тому – эпиграф, открывающий главу «Сибирь без романтики» и вместе с ней всю книгу. В.К. Андриевич, представленный как «историк Сибири»², тоже подчёркивает судьбоносность имени: «Это громадное пространство носит общее прозвище Сибирь, с которым, вероятно, и останется навсегда, потому что ничего, кроме Сибири, из него выйти и не может» [1. С. 5]. Фраза принадлежит не самому авторитетному из историков³, очевидно, Распутин ценил единомышленника, близкого гражданско-патриотической позицией, который выразил дорогую для писателя идею предопределения, связанную с именем загадочным, самобытным, ничем не отменяемым – ни историческими сдвигами, ни человеческим неразумием.

¹ Реализм – «направление мысли, основанное на презумпции наделения того или иного феномена онтологическим статусом независимой от человеческого сознания сферы бытия. <...> ... конституируется в рамках средневековой схоластики в борьбе с номинализмом по проблеме универсалий. Если номинализм трактует последние как имена (nomina) реально существующих единичных объектов, то Р., напротив, базируется на презумпции объективной реальности универсалий (universalia sunt realia)» [13. С. 823].

² В.К. Андриевич (1838–1998) – профессиональный военный, доброволец войны на Балканах 1876 г., участник русско-турецкой войны в 1877–1878 гг., в звании генерал-майора занимался реорганизацией Забайкальского казачьего войска, изучение истории которого побудило к написанию ряда обзоров, в том числе 6-томного «Исторического очерка Сибири» (1886–1889).

³ В академической «Истории Сибири» упоминается о «компилятивных и крайне ограниченных по привлечённым материалам трудах В.К. Андриевича» [7. С. 16].

Причина веры Распутина в онтологический статус слова и понятия, означающих явление Сибири, – его убежденность, что идеальное, в том числе этика, не только включено в онтологию, но является её основной, а потому и направляющей силой. Слово-имя, достойное онтологии, с ней резонирует и потому транслирует её импульсы. Так и Сибирь: «Она сама вошла в жизнь и интересы многих и многих – если не как физическое, материальное понятие, то как понятие нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление» [1. С. 7]. В данном случае благо обеспечено природными ресурсами, ибо в будущем край мог бы «явиться воистину целебной и спасительной силой» [1. С. 7], но знаменательно, что нравственное у Распутина отождествляется с физически необходимым. Так объединяются два безусловных начала – этика и животворность.

Этика, исходящая от онтологии, императивна, и мышление у Распутина – не диалектический поиск вечно обновляющегося знания, не испытание границ возможного, а уяснение предуказанных истин и степени собственного им соответствия. Этот принцип познания-существования имеет отношение не только к природопользованию. Так автор объяснял тупик цивилизации: «Мы в сущности остались без истины, без той справедливой меры, которую отсчитываем не мы, а которую отсчитывают нам» [1. С. 473]. Соответственно, вопросы, которыми задаётся автор текста, оказываются не эвристическими, а риторическими, например: «Мы получили, что хотели, и чего мы теперь добиваемся, почему чувствуем себя покинутыми и несчастными?» [1. С. 473]. Автор сознаёт, что такой тип вопрошания неплодотворен, но в онтологическом пространстве должного, куда он помещает человека, иных вопросов не задать – и псевдовопрошание воспринимается как ложная работа ума: «Опять вопросы. Неотвеченность, невозвращённость, недорождённость мысли в вопросах, следующих один за другим, – та же свалка, замусоренность “пространства”, та же экология думания, расстроенность его и бесплодность. Где, в каком пространстве следует остановиться и вернуть утерянную опорность, прежде чем двигаться дальше?» [1. С. 473]. И этот вопрос тоже риторический, поскольку вслед за ним сразу следует ответ – он указывает и на пространство божественной премудрости как источник знания, и на сам инструмент познания.

Божественная премудрость сотворила человека и указала пределы сугубой рациональности: «Человек, надо полагать, задуман как совершенный инструмент. И разум ему был дан только в соединении с душой, в пропускании через душу, как через крещение, всякого замысла, в приготовлении предстоящего действия для омытой цели. Разум предлагает, душа отбирает и направляет разум. Те чудесные, грустные и ликующие звуки, которыми способен звучать человек в страдании и радости, изливаются из его души; там струны, там и смычок, там небесное дуновение и водит этим смычком. Человек, сознательно и бессознательно потерявший душу, теряет и себя, он уже не человек, а только подобие человека, как в человеке он был подобием Божиим, то есть падает сразу на ступень, для которой потребовалось больше тысячи лет. Без души за свои действия он отвечать не может; он расчеловечен, невменяем и готов на всё» [1. С. 473–474]. Такая модель когнитивной и любой деятельности, построенная на религиозной антропологии, апеллируя к

душе как идеальному, богодухновенному началу в человеке, предполагает интуицию единственным способом познания. Для разума как интеллекта не указано никакой собственной цели, кроме прикладной, но насущной – приспособления духовного существования к земным условиям. Трагедия разума даже не предполагается, ибо испытание дара свободы расценивается как тяжкий грех богоотступничества: «Безумие происходит не от недостатка разума, не оттого, что разум, как вождь или царь, “не в курсе”, а от тирании вышедшего из-под контроля, переродившегося, злокачественно разбухшего “разума”, того, что от него без души осталось» [1. С. 474].

Но при изобличении загордившегося рацио перед писателем, исповедующим Слово и убеждённым в его промыслительности, встаёт проблема оправдания не рассудка, но антропологического имени человека, явно указывающего на «чело» как средоточие мысли. Возникает внутреннее противоречие: Распутин-судия отказывает современному человеку в разумности, Распутин-проповедник не может не защитить, ибо имя дано свыше. Сознание проповедника решает задачу, поднимая проблему на другой уровень обсуждения, автор задаётся ещё одним болезненным риторическим вопросом: «И где же, в чём спасение, есть ли оно? Этот вопрос и звучит беспомощно – как из пустыни, из ничего, из обезжизненного пространства, куда, словно в могилу, опадают неоплодотворённые завязи людских дел и мыслей» [1. С. 475]. Ответ справедлив, но решается в логике риторики: «Спасение негде больше искать, как в человеке. Это ненадёжное место, но другого и вовсе нет. Оно может быть только *в том человеке, который выпадает из своего имени, ибо не в нём чело и дух нашего прыткого века* (курсив мой. – И.П.). Образ и дух времени, как это ни прискорбно, – в рабе нечеловечьего, в человекоотступнике, в сплотившихся в “передовом человечестве” шулерах, ведущих кругосветную подложную игру с небывалыми ставками. <...> Но не по числу, не по множеству даётся *суть, из которой выписывается имя* (курсив мой. – И.П.), и согласиться и попустить, чтобы человекоподобные присвоили и унесли с собой звание человека, сложенное из Божественного замысла (курсив мой. – И.П.), значит всё предать, всё отдать – и прошлое, и будущее – и окончательно поклониться...» [1. С. 475]. Риторика красноречия не видит логической неувязки в том, что на праведного «человека, который выпадает из своего имени», ибо «чело и дух нашего прыткого века в рабе нечеловечьего» возлагается надежда спасти от «челопоподобных» «звание человека, сложенное из Божественного замысла». Очевидно, борьба идёт за реабилитацию имени как призывания Человека.

Разбор этого отрывка имеет значение как пример реализации мыслительного принципа: «Разум предлагает, душа отбирает и направляет разум» [1. С. 473]. Пронизанная болью душа писателя направила рассуждающий разум на решение проблемы оправдания надежд на человека – ради спасения Божественного замысла и спасения самой души, не желающей «окончательно поклониться»: «Пусть нечистый своему *излюдевшему* (курсив мой. – И.П.) подданству вытягивает имя из собственного словаря, мы останемся человеками» [1. С. 478]. Этот призыв, равный, по сути, формуле отречения от сатаны, показывает и масштаб замысла, определяющего значение книги «Сибирь, Сибирь...». Призыв прозвучал в главе «Вниз по Лене-реке», первые публикации

которой пришлось на лето 1993 г. [13. С. 270], а содержание передаёт степень трагического отчаяния, с которым Распутин переживал события в стране. Дата путешествия не указана, говорится только о том, что действие происходит в конце августа [1. С. 438], упоминаются многотысячные демонстрации в Москве, видимо, после путча 1991 г. (август 1992 г. был спокоен). Высокий накал чувств передаёт сравнение себя и проигравших единомышленников с отверженностью праведников: «Человек к человеку, человек к человеку, друг друга замечая, понимая, друг другом прирастая, общностью облегчая мучения... С неколебимостью первых христиан, которые поверили в Спасителя, верящих в воскресение Человека, готовых во имя его на гонения и проклятия, на любые претерпения, от жертвы к жертве укрепляющихся духом, усиливающих подвигом стояния... как первые христиане. И так, с муками, стонами и надеждой до тех пор, пока новый император Константин в своём отечестве не возрадуется спасённому человеку и дело спасения не объявит государственной религией» [1. С. 478].

Сила чувств, перенапряжение боли, пафос жертвенной избранности – совершенно иная коммуникативная установка по сравнению с почти эпическим началом книги, когда писатель уверенно говорил от лица всех сибиряков: «И то, что пугает в Сибири других, для нас не только привычно, но и необходимо: нам легче дышится, если зимой мороз, а не капель; *мы* (курсив мой. – *И.П.*) ощущаем покой, а не страх в нетронутой, дикой тайге; немереные просторы и могучие реки сформировали *нашу вольную, норовистую душу* (курсив мой. – *И.П.*)» [1. С. 7–8]. Оказавшись на Лене, автор по-прежнему вполне свободен в дикой тайге, но всё непримиримее в своём отношении к цивилизации: «Завтра в город – в ссылку, на каторгу, под инквизицию» [1. С. 470]. Вольность души проявляется теперь не в поведении, не в обычной жизни, а в противостоянии – в духовной брани, на которую вышел автор, и «мы» как субъект коллективного сознания объединяет только героев сопротивления, а миссия художника – спасение-сплочение посвящённых.

Разнородность стилистики, эволюция авторского мирочувствования, контраст рассуждения и «стоны» – всё это как будто исключает восприятие книги публицистики как художественного целого, тем более определение её как «трактата». Но усугубление трагического мирочувствования не отменяет единства миропонимания и продиктованных им целей, которым автор следует упорно и реализует их сообразно своему образу мышления. Рассмотрение особенностей художественного высказывания Распутина, проявившихся в книге «Сибирь, Сибирь...», показывает преобладание лирического характера мышления: апология чувства, души, интуиции, сопереживания как пути к истине, пристрастный анализ социальных событий и проникновенное отношение к природе, сакральное восприятие Слова и авторское распоряжение им, прямая заявка на субъективность, личностную определённую рассуждений, переходящую в мессианскую проповедь. Лирическая открытость соприродна публицистике, но субъективность определяет и философскую позицию.

Религиозно-философская модель мира. Взгляды Распутина соединяют православную и природную религию, связывая воедино абсолюты христианской веры и признание самобытной, более того – духовной жизни природы.

Человек как творение Божие наделён свободой воли, но не цельностью, и говоря о «нас, малых и дробных, на краткий миг приходящих в мир» [1. С. 308], писатель уверен в возможности обрести себя, неслучайного и полного, в диалоге с обоими высшими началами или окончательно потерять – в случае разрыва. Самобытность природы в отношениях с Богом не обсуждается, она остаётся Его творением, но наличие у неё собственного сознания, воли, заинтересованности в человеке тоже принимается как данность. Распутин убеждён в этом на уровне чувств, он не задаёт вопросов о причинах дуального устройства мира, но вынужден решать вопрос об идентификации собственного двоеверия – есть ли это широко распространённый компромисс язычества и христианства или некая особая модель дуализма?

Религиозная позиция художника, принявшего крещение в 1980 г., была напрямую высказана в постсоветской публицистике («Ближний свет издалека» 1991 и др.), и она не ощущала никакого противоречия с уже разработанной в прозе метафизикой [15] природы, наделённой сознанием. Так был сформулирован императив и условие творчества – соединение «с общим народным и природным чувствилищем», в которые писатель верил «не меньше, чем в совесть и истину, в которых они, может быть, проживают» («Вопросы, вопросы...» 1987, 1997) [13. С. 483]. Но вопрос о совместимости христианского монотеизма и веры в сознание природы всё-таки потребовал разрешения. Осторожный ответ дан в главе «Байкал» (1988, 2000), где природе отведена роль медиатора, но с безусловно самобытной волей: «*Быть может* (курсив мой. – И.П.), между человеком и Богом стоит природа. И пока не соединишься с нею, не двинешься дальше. Она не пустит. А без её приговорительного участия и препровождения душа не придёт под сень, которой она домогается» [1. С. 290]. Соединение возможно только через многосложное сопереживание.

Писатель анализирует состояние природы, погружаясь в собственные интуиции, уверенный в адекватности чувствующего способа познания предмету познания. Лирическое, страдающее сознание особенно чутко к сокровенным процессам, и природа готова открыться родственной душе, что и ощутил беглец от больной урбанистической цивилизации: «Если из уродливого скопища людей в таёжное безлюдье – это из мира в мир, то я чувствовал себя ещё дальше, ещё глубже, в каком-то третьем измерении бытия, среди необузданных стихий, схоронившихся тайн и в первородной мистической жизни» («Вниз по Лене-реке» 1993) [1. С. 428]. Определение средоточия тайн как «какого-то третьего измерения», очевидно, ещё одна попытка найти слово для обозначения самобытных процессов, происходящих в природе. В лирическом рассказе «Что передать вороне?» это было «чувствилище» – особое измерение над Байкалом, куда залетела душа автора. Теперь это встреча в дремучей тайге с «первородной мистической жизнью» – и знаменательно её «заземление», и также включённость автора в тайное движение сил, названных здесь «стихиями».

Наконец писатель произносит слово «язычество» – как возможный упрёк себе за одушевление природы. Но осуждающий смысл слова видится ему малодушным уклонением от диалога со «схоронившимися тайнами»: «...боимся задержаться и убедиться в неспособности понять. Отойди я сейчас

в лес и заговори среди деревьев, обращаясь к ним, я и сам себе покажусь странным и застыжусь себя. Хотя странность моя или сторонность от нужного дела в том, быть может, как раз и заключается, что я, обязанный ему, не решаюсь высказать благодарность для своего же одушевления. Язычество?» («Вниз по Лене-реке» 1993) [1. С. 457]. В последних по времени написания главах книги поклонение природе воспринимается не как грех отступления от монотеизма, но как нравственный императив восхищения красотой и мощью. Так писатель представляет встречу православного воинства с Байкалом в 1904–1905 гг.: «Более миллиона русских солдат проследовали этим путём на фронт, и не могли они здесь, на этом величественном перевале, наверняка казавшемся им населённым духами, не оставить своих заклинаний, а затем, возвращаясь, кому суждено было вернуться, не могли не поклониться за спасение» («Кругобайкалка» 2005) [1. С. 355].

Язычество как молитвенное отношение к природе, по убеждению Распутина, не может быть осуждено Творцом этого мира. Более того, Он санкционирует его как заповедь – через язык, угадывающий Божью волю: «...мечет в малых речках икру рыба – это начало и развод, обитель и исход третьего среди равных даров жизни – дара природного семени. И человек здесь не лишился рассудка, если взял тот край под охрану и учёбу. Заповедник – соблюдающий заповедь Божью по отношению к творному и тварному миру» («Вниз по Лене-реке» 1993) [1. С. 432]. Распутинская этимология подчиняет смысл своим ассоциациям, которые призваны доказать идею опосредующей роли природы, транслирующей Божью волю и побуждающей человека развивать своё сознание в диалоге с внешним миром. Поэтому язычество *не как вера, а как знание* – императив для выживания в условиях, постоянно испытующих человека на чуткость к внутренней жизни окружающего мира. Это чувство развили в себе преданные православию русские обитатели Крайнего Севера, «полностью соединившиеся с сендухой. <...> Сендуха – это “стихия”, как говорят местные, единый дух, владеющий землёй и водой, тьмой и светом» («Русское Устье» 1986, 2000) [1. С. 505]. Здесь жизнь зависит от интуиции – знания души, которое приоритетно для Распутина, как и для «досельных» православных обитателей тундры: «Чутьё ценится здесь как талант, дающийся от Бога, а Бог рассматривается как сила, в которой издолжно участвует и сендуха» [1. С. 511]. Наконец, чудесный русский язык русскоустинцев – посредник между ними и тундрой, это «неразделимое сочетание человеческих и природных интонаций, сливающееся в одно глухое, шебуршащее звуковое движение» [1. С. 498] – такова степень резонанса речи и природы.

Очевидно, слово «язычество» уже в силу своего корня не может отвратить писателя, ибо под ним он понимает не заблуждение, но насущное требование жизни. Религиозная непримиримость Распутина направлена против цивилизации, забывшей Бога, – и в книгу о Сибири входит пассаж-изобличение урбанистической массовой культуры: «А разве дикие пляски и крики волосатых издергаев, нечистого ради юродивых, перед многомиллионной аудиторией не есть вселенское тупое идолопоклонство?! Господи, да здесь даже вспоминать о них грешно» [1. С. 457]. Этот эпизод подан как внутренний монолог, в нём язычество противопоставлено идолопоклонству и

тем оправдано, автор, воспринимая природу как храм, тут же открестился от бесовского мора.

Пассаж красноречив не только демонстрацией религиозного темперамента автора, он проявляет генеральную идейную установку: человеческая цивилизация должна развиваться как жизнестроение, подчинённое свыше предуказанным смыслам и в резонансе с требованиями природы. Должное оставляет место свободе – но это личное самосознание в исполнении должного. Ради проповеди такого миропорядка написана книга «Сибирь, Сибирь...», и, поскольку отбор материала, интерпретация фактов, сама композиция служат воплощению идейной установки, это позволяет назвать весь текст трактатом. Принципиальной новизны в религиозном понимании смысла истории нет. Оригинальность распутинского трактата в демонстрации фактов, подтверждающих идею соединимости Божьего и человеческого в жизненной практике, возможность совпадения в одном «творного и тварного», одухотворения исторических процессов. Принципиальная значимость – в опоре на русский опыт освоения Сибири, проживания в контакте с природой и здешними народами. Опыт рассматривается объективно – в удачах и преступлениях, великих завоеваниях и не менее масштабных провалах.

Распутин выдвигает идею, которую можно определить как *антропную теонатурфилософию*, т. е., проще говоря, оправдание участия человека в двуедином согласии Творца и природы. Он доказывает жизненную правоту идеала фактами большой истории и деяниями отдельных людей. Так актуализируется значимость национального опыта и тем самым обосновывается возможная роль России и русского народа в истории человечества, потенциал Сибири в обеспечении общих насущных потребностей, возможность выхода из тупика априорной цивилизации.

Историософия как антропная теонатурфилософия и проповедь призвания человека. Проповедь призвания человека в конце XX в. не означает антропоцентризма, но не исключает человека из действующих сил мироздания. Антропный принцип в космологии и философии воплощает в себе «идею взаимосвязи человека и Универсума» [16. С. 51], необходимость присутствия человеческого разума в мире, хотя бы и без качественной оценки результатов. Теонатурфилософия Распутина, по существу, антропна: она указывает на согласие высших и природных сил и их заинтересованность в человеке, но она имеет практическое продолжение – требует культивирования тех форм деятельности, которые отвечают общим интересам всех начал.

Первое следствие этого взаимодействия – неслучайность исторического процесса в единстве места, времени и действия. Так Распутин объясняет причину вступления русских в Сибирь и невероятную энергию продвижения по безмерному непроходимому пространству. Допуская среди мотивов и погоню за богатством, и необходимость контратаки против набегов, писатель не менее важным считает неуёмную волю к познанию, отклик на слухи о великих реках (река – стержневой образ в собственной картине мира писателя [17, 18]). Так эмоционально объясняется судьбоносное устремление на восток: «Нет, не в русском характере здесь усидеть в спокойствии, ожидая указаний, не в русской стихии быть благоразумным и осмотрительным, оставив родное “авось”. Можно быть уверенным, что не только корысть направляла казаков

и не только, что уже благородней, дух соперничества в первенстве двигал ими, но и нечто большее. Здесь было словно волеизъявление самой истории, низко склонившейся в ту пору над этим краем и выбирающей смельчаков, чтобы проверить и доказать, на что способен этот полусонный, по общему мнению, и забитый народ. Тут немалой частью энергии для столь могучего порыва явилось народное самолюбие» [1. С. 23]. С научных позиций провиденциальное понимание событий оценивается как «средневековая идеологическая концепция» [7. С. 10], представленная, например, в Есиповской летописи. Особенность распутинской трактовки – соединение идеи провиденциальности с признанием народной инициативы как главного движителя событий (идея Кунгурского летописца). Для выходца из крестьян и идеолога земледелия как природной формы жизнедеятельности принципиально важно, что «русской и оседлой Сибирь сделали не воины, не служивые, промысловые и торговые люди, а хлеборобы. <...> Этот тихий и незаметный, как прежде говорили, угодный Богу труд сделал решающее дело. В конце концов Сибирь покорила тому, кто её накормил» [1. С. 24]. Благотворность прихода русских была и в том, что они прекратили этнические распри: «В ту пору, когда в России всё ближе придвигалось Смутное время, в Сибири смуты всё больше затухали, дальше на восток столь организованной силы, как у Кучума и его наследников, больше не существовало» [1. С. 68]. В этом учёные и художник приходят к одному мнению: «Разгром Кучума расчистил дорогу для массовой народной колонизации края» [7. С. 31]; «Главной силой, участниками и вдохновителями коренных перемен в Сибири были мирные российские поселенцы» [10. С. 75].

Вторая идея – выработка особой человеческой породы при реализации высшего промысла и во взаимодействии с природой. Таковы характеристики сибиряка прошлых веков: «неслучайность, глубокая и прочная укоренённость на этой земле, совместимость человеческой души с природным духом» [1. С. 33]. Здесь естественно разрешаются проблемы личностного самосознания, духовная суверенность выстраивается в сотрудничестве и в ответственности перед общим делом: «Без взаимовыручки и общинного духа обойтись здесь было труднее, чем где-либо в другом месте, и этот общинный дух, как ни странно, прекрасно уживался в сибиряке рядом со скрытностью и *индивидуализмом* (курсив мой. – И.П.): одно – для связи с миром понятным и привычным, другое – для всего, что представлялось посторонним и подозрительным и чего в Сибири хватало с избытком» [1. С. 36–37]. Индивидуализм, очевидно, понимается как личностное самостоянье, здоровый консерватизм, критическое сознание и умение найти практический критерий истины.

Третья идея – сотворчество человека с природой, тоже отмеченное провиденциальностью. Пример тому – старые города Сибири и великая Транссибирская магистраль с Кругобайкальской железной дорогой, а также неустанная работа подвижников на земле и в общественном служении. Писатель убеждён в заинтересованности высших и природных сил в сотворении красоты, объединяющей человека и мир, и в чуткости давних строителей к импульсам, идущим извне. Так древний Тобольск «картинен» «красотой и вдохновенностью природной, которую умело подхватил, не споря с творцом, человек» [1. С. 65]. Провиденциален выбор места: первая столица Сибири

должна была увенчать память о судьбоносном сражении. Автор как будто читает помыслы основателей: «Нет, не могли, возводя крепостцу, не чувствовать казаки соседства Подчувашей, где выиграна была главная сеча: «Понеже ту бысть победе и одолеси окоянных... вместо царствующего града Сибири (Искера) старейшина бысть сей град Тобольск...» [1. С. 65]. Ссылка на летопись звучит как заклинание, и это не случайно, ибо поэтическое сознание автора убеждено, что русское слово и дело призваны справиться с внечеловеческой мощью. Так описывается тяжкая, но стремительная эпопея прокладывания Транссиба по вечной мерзлоте и в диких дебрях: «Всего можно было ожидать от воистину загадочных и мистических сил на огромных малозаселённых и почти совсем не изученных пространствах. Не зря говорят, что в звучании слова “Сибирь” слышится рык – вот он и прозвучал, когда ступили на неё торопливо и больно» [1. С. 138].

Строительство Транссиба для Распутина – пример взаимодействия инженерного гения и интересов культуры, когда через Енисей и Амур возводились чудо-мосты, а рядом с железной дорогой строились церкви и школы. Создателям Кругобайкалки, проходящей через туннели и скалы, удалось «вписать красоту в красоту» [1. С. 344], в жизни дороги вошли в резонанс «плеск и рёв Байкала, гудки и стукоток вагонов <...> и, очень быстро спевшись, рукотворное и нерукотворное повело единую песнь здешнего бытия» [1. С. 344]. Люди, воплощающие провиденциальное призвание Сибири стать пространством мощной жизни, красоты и свободы, самые разные – от Н.П. Смирнова, разбившего чудесный сад на берегу Телецкого озера, до просвещённого купца А.М. Лушников, возглавлявшего самоуправление города Кяхты: «Это был внешне удачливый и внутренне удачный тип русского человека, который до всего, до знаний и почестей доходит сам и который, в отличие от европейца, оставшегося на этом счастливым, всю жизнь мучается от неудовлетворённости и взыскательности своей души, платя бесконечную дань за богатство» [1. С. 409]. Распутин перечисляет выдающихся выходцев из Тобольска и Кяхты – для него это подтверждает творческий потенциал пространства, отмеченного красотой или силой духа.

Четвёртая идея – мирное сосуществование народов на обильной богатствами территории. Распутин рассуждает на эту тему в заключительной главе «Моя и твоя Сибирь» (1990, 2000), когда оценивает степень решённости вопросов, поставленных ещё Г. Потаниным и Н. Ядринцевым, в том числе и вопроса национального. Признавая, что он «не из пустяковых» [1. С. 570], писатель воспринимает проблему ассимиляции, культурной и этнической, как продолжение законов природы. На неё возлагается ответственность за смешение этносов и присвоение территорий: «Постоянные перемещения, переливания, объединения и членения родов, право сильного на лучшие земли и право природы по отношению к своим детям на ей одной ведомую конечную справедливость – всё это переплелось тесно и дало результаты, которые следует уважать» [1. С. 571]. Природа отождествляется с ходом истории, а её вызовы требуют от каждого народа мобилизации прежде всего духовной воли к самосохранению. Такая постановка вопроса снимает ответственность за утраты с одних только русских и побуждает к духовной активности и культурному самоопределению коренные этносы: «Но история продолжается, и

переливания, перерождения не закончены. Это к ней, к истории, счёт – за то, что она делает таинственную перемену лиц. Это счёт и к “большому” народу, взявшему под опеку в своё государственное образование “малые”... <...> Но это и счёт каждого народа самому себе за способность к жизнестойкости, которая прежде всего в духовном единстве. Как только народ теряет свои предания, а ещё хуже – язык свой, он превращается в “запас” другого, более сильного народа. И с этим ничего не поделаешь. Это закон жизни» [1. С. 571]. Антропная теонатурфилософия отличается от социодарвинизма требованием культурной, а не воинственной мобилизации сил во имя сохранения собственного лица.

Исторические судьбы коренных жителей рассматриваются писателем в свете неизбежного для малочисленных народов выбора: «Такой силой Сибирь не удержать. И внутри государство не выстроишь. Не миновать было отходить под чью-то руку. Другое дело: под чью лучше? Смешиваться ли Азии с Европой или Азией усиливаться Азией?» [1. С. 571]. Русский этнос, как и выработанная им модель межнациональных отношений, расцениваются Распутиным как наиболее приближенные к идеалу равноправия, ибо «признаётся самой историей и практикой его государственного строительства, что он народ чрезвычайно уживчивый, широкий в своих братских чувствах. Уже и первопроходцы легко находили общий язык с аборигенами» [1. С. 571]. Писатель видел в этом органическую модель и полагал, что по справедливости счёт за обиды и нынешние притеснения из-за промышленной экспансии в тайгу и тундру нужно предъявлять не русским, но хищнической «цивилизации в тех формах, которые нам достались, – в формах массового инквизиторского обезображивания души под эгидой “прав человека”» [1. С. 574]. Пасаж о «правах человека» неожидан в контексте обсуждения прав на недро- и землепользование. Очевидно, в сознании писателя идеология «прав человека» – это маска всеобщего «хищничающего типа» [1. С. 574], вторгающегося и в межнациональные, и в межгосударственные отношения.

Пример самосохранения осколка этноса в критичных природных условиях, в инонациональном и инокультурном окружении – уникальная, но поучительная история жителей Русского Устья, в течение 350 и более лет отстаивавших свою духовно-национальную идентичность в изоляции, занимаясь охотой и рыболовством в низовьях Индигирки. Для Распутина это воплощение идеи о жизнеподдерживающей роли памяти: жители древнего поселения – «сконцентрированная потомственность по крови, по духу, вере и изначально» [1. С. 481]. Память не противоречит природе, которая требовала обновления генофонда, и русским удалось избежать ассимиляции-«объядучивания», потери языка и облика: «...примерно в одной части из четырёх русскоустынец остался в правильных очертаниях русского лица, как показалось мне, носящего следы жертвенности и аскетичности, как бы подсушенные, выжженные изнутри пронзительным взглядом. Такие лица можно ещё встретить разве что в старинных раскольничьих сёлах» [1. С. 498]. Сравнение с ликами другой самотойной части русского этноса, судя по иллюстрирующим очерк фотографиям, сугубо авторское видение, так же и объяснение необыкновенной стойкости даётся через перечисление дорогих для себя святынь: «Язык, фольклор и традиция прежде всего помогли этим людям выдержать в краю, который

давно назван пределом выживаемости» [1. С. 500]. Сюда же следует отнести особую психофизику: «Русскоустыинец сохранил и разговорчивость, и подвижность чувства» [1. С. 503]. Для распутинских представлений о памяти как духовной основе национального самосознания особо ценно стойкое, но не агрессивное самоопределение, обеспечивающее самосохранение: «...русский на Индигирке жил в дружбе и согласии и с якутом, и с юкагиром, и с эвеном, как положено жить людям, делящим соседство на одной земле, но всегда чувствовал и показывал себя русским» [1. С. 503]. Так тема русскости и глава «Русское Устье» концептуально завершают обзор прошлого и настоящего Сибири.

Стержневая идея книги – провиденциальная миссия края, а вместе с ним и русского народа, в истории человечества, ибо Распутин убеждён: «Сибирь – Россия больше, чем Россия» [1. С. 40]. Сибирь, а с ней и Россия, видится ресурсом органической цивилизации: «В сущности, опершись на Сибирь да ещё на некоторые, пока заповедные районы, человечество могло бы начать новую жизнь. Так или иначе очень скоро, если оно собирается существовать дальше, ему придётся решать главные проблемы: чем дышать, что пить и что есть, как, в каких целях использовать человеческий разум?» [1. С. 8]. Идея провиденциальности противопоставляет мистический характер здешнего бытия рациональным двигателям развития цивилизации промышленной и технологической, которая уничтожает природу и тем самым собственное будущее. Провиденциальное понимание истории призвано защитить русский народ от стереотипных обвинений в лени и бесхозяйственности, генетической несвободности и агрессивности. Очевидные, признанные недостатки объясняются не только инертностью, но и нехищническим по своей природе характером русской цивилизации, что и сделало ареал её распространения ресурсом будущего, если общечеловеческие интересы возобладают над сегоднешней прагматикой и страстью к наживе: «И тогда отсталая, в сравнении с Северной Америкой, колонизация Сибири, в чём долго упрекали старую Россию, обернулась бы великой выгодой; и тогда русский человек не без оснований мог бы считать, что он выполнил немалую часть своего очистительного назначения на Земле» [1. С. 8].

Начало колонизации показало способность русского человека к инициативе, невероятной стойкости, предприимчивости и созидательности. Первопроходцы искали «свободы всех толков – религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной» [1. С. 30]. Деспотическая государственность не роковая производная от русской ментальности, по Распутину, покорители пространства «были тем, что можно назвать “самострелами” русского духа. Потому что это было движение по большей части стихийное, народное, устремлённое на свой страх и риск, за которым не всегда поспевали правительственные и даже воеводские постановления» [1. С. 21]. Так, процветающий в голом пространстве город Кяхта, управляемый «Советом старейшин торгующего в Кяхте купечества» [1. С. 395], подал пример успешной самоорганизации, особо значимой ввиду пограничного с Китаем расположения. Строительство Транссиба показало, что патриотизм может быть ресурсом экономического подъёма, ибо решение строить дорогу «русскими людьми и из русских материалов» [1. С. 125] было успешно реализовано. Строила вся

страна: рабочих искали по всей России, добровольческий флот перевозил переселенцев, мобилизовали ссыльных, арестантов, идеальными работниками показали себя солдаты и семейские. Малоэффективная иностранная рабочая сила была удалена во время русско-японской войны, поезда пошли по уральским рельсам, дорога открыла перспективу экономического подъёма.

Распутин не идеализировал историю присутствия русских в Сибири, её нынешние экологические проблемы – боль ума и сердца от чудовищного произвола власти, министерств, монополий, вместо долгожданного хозяина пришёл «кочевник нового типа – вахтовик» [1. С. 562]. Новые редакции текстов 2000 и 2005 гг. усиливают публицистический накал описаний упадка городов и насилия над природой. Нынешнее положение края трагично: «Не одно столетие Сибирь пыталась снять с себя ярмо российской колонии, а теперь кончается тем, что ей приготовлена участь мировой колонии» [1. С. 564]. Факты славного прошлого призваны актуализировать историческую память, которую писатель хотел бы видеть генетической, чтобы превратить в источник духовной мобилизации. Защитник природы отнюдь не мечтал оставить край безмерным заповедником, он понимал, что без подъёма экономики культуру тоже не спасти: «За четыреста лет, прошедших после покорения Сибири русскими, она, похоже, так и осталась великаном, которого и приручили, и привели местами в божеский вид, но так и не разбудили окончательно. И это пробуждение, это духовное осознание её самой себя, хочется надеяться, ещё впереди» [1. С. 7]. Писатель, исповедующий традицию, не консерватор патриархальности, но сторонник активного жизнестроения, книга про Сибирь написана как призыв и как демонстрация возможности создания мудрой цивилизации силой человека, чуткого к природной и высшей воле.

Распутин самобытен, он сочувственно, но осторожно обращается к авторитету областников, помня об идее сибирского сепаратизма, вызревавшей в этом движении. Для него «Сибирь без России не существует, и пускаться по этому поводу в доказательства нет необходимости» [1. С. 41]. Точно так же – при всей политической пристрастности – писатель обходит возможность применить идеи евразийской философии к родному краю. Профессиональный историк может позволить себе патриотический пассаж: «...здесь рождалась евразийская душа россиянина и сибиряка» [10. С. 75]. Писатель рассматривает тему культурного симбиоза без пафоса, аналитически, как психолог и иронический наблюдатель: «Сибиряк, получившийся от слияния славянской порывистости и стихийности с азиатской природностью и самоуглублённостью, быть может, как характер и не выделился во что-то совершенно особое, но приобрёл такие заметные черты, приятные и неприятные, как острая наблюдательность, возбужденное чувство собственного достоинства, не принимающее ничего навязанного и чужого, необъяснимая смена настроения и способность уходить в себя, в какие-то свои неизвестные пределы, иступлённость в работе, перемежающаяся провалами порочного безделья, а также хитроватость вместе с добротой, хитроватость столь явная, что никакой выгоды от неё быть не может» [1. С. 27]. Это описание очень похоже на автопортрет человека, в ком смешалась кровь выходцев с Русского Севера и тунгусов («Откуда есть-пошли мои книги» 1997) [12. С. 503].

Мышление Распутина, очевидно, стремится не к евразийской медиации, а к российской всемирности – и содержательно, и ментально. Книга «Сибирь, Сибирь...» рассматривает национальные проблемы в свете проблем общечеловеческих и осмысляет их в традициях русской художественной философии – лично, добросовестно по отношению к фактам, влюблённо в идеал, в страстном стремлении к истине. Определение жанра и сути книги как лирико-философско-публицистического трактата фиксирует синкретизм образа мышления и высказывания: лирического – по типу рассуждения, философского – по проблематике и уровню миропонимания, публицистического – по способу изложения сокровенных мыслей. Системность обусловлена развёрнутым и глубоким раскрытием многосложной темы. Трактат – это терминологическое определение проработанности, фундированности, целостности исследования, обусловленного масштабом авторской личности, оно возводит монологическую проповедь художника в ранг общезначимого высказывания.

Литература

1. *Распутин В.Г.* Сибирь, Сибирь... Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. 576 с.
2. *Распутин В.Г.* Сибирь, Сибирь... М.: Молодая гвардия, 1991. 304 с.
3. *Иваиковский В.* Книга, которую Валентин Распутин создавал 10 лет // Рабочая трибуна. 1991. 13 дек. С. 2.
4. *Распутин В.Г.* Веют ли вихри враждебные?: Беседа гл. ред. журн. «Сибирь» В.В. Козлова с В.Г. Распутиным // Сибирь. 2001. № 5. С. 38.
5. *Каминский П.П.* «Время и бремя тревог»: Публицистика Валентина Распутина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 240 с.
6. *Небольсин П.И.* Покорение Сибири: Историческое исследование. СПб., 1849. 112 с.
7. *История Сибири.* С древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
8. *Шутова Я.* Сибирская Атлантида // Иркутск. 2016. № 5. 11 февр. С. 11.
9. *Очерки истории русской литературы Сибири:* в 2 т. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.
10. *Олех Л.Г.* История Сибири : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 380 с.
11. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Traktat-740.html
12. *Распутин В.Г.* В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 528 с.
13. *Можейко М.А.* Реализм // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск.: Книжный Дом, 2003. С. 823–824.
14. *Валентин Григорьевич Распутин:* библиогр. указ. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 472 с.
15. *Рыбальченко Т.Л.* Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Вып. 16: Мир и слово В. Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию В.Г. Распутина: материалы. Москва; Иркутск. 2007. С. 6–25.
16. *Вязовский В.С.* Антропный принцип // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск.: Книжный Дом, 2003. С. 50–51.
17. *Галимова Е.Ш.* Архетипический образ реки в художественном мире Валентина Распутина // Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина: материалы. Иркутск, 20012. С. 98–109.
18. *Имхелова С.С.* Образ-символ Ангары в прозе В.Г. Распутина // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. Иркутск, 2015. С. 267–276.

SIBERIA, SIBERIA BY VALENTIN RASPUTIN AS A LYRICAL-PHILOSOPHICAL JOURNALISTIC TREATISE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 115–134. DOI: 10.17223/19986645/41/11

Plekhanova Irina I., Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: oembox@yandex.ru

Keywords: Valentin Rasputin, Siberia, Russia, Russian consciousness, Russian self-determination, co-existence of cultures and peoples, co-creation with the Nature, genre, anthropic theological natural philosophy.

The book of essays *Siberia, Siberia* (1980-2005) is the last major work written by Valentin Rasputin. Three editions of the book reflect the author's gripping thoughts about the importance of the region and its exploration for both the national history and the future of the humanity. The work is considered to be a comprehensive narration about the problems of Russian colonization of Siberia, co-existence of the human and the nature, the dangers of modern civilization and the providential meaning of history. The author analyzes his own mindset in the context of religious and philosophical aspects of the world design. The mindset of Rasputin as a publicist is emotional, insightful and eloquent, akin to the preaching of the Truth. The system of Rasputin's worldview is defined as anthropic theological natural philosophy as the very presence of the human in the dual co-existence of the Creator and the nature is recognized and justified. When specifying the genre of the book as a lyrical-philosophical journalistic treatise, one emphasizes syncretism of the author's mindset and narrative where the work is *lyrical* in terms of discourse, *philosophical* with regard to the frame of reference, and *journalistic* in wording.

According to the central ideological position of the author, human civilization must develop in order to create life in accordance with predetermined transcendental meanings and imperatives of the nature. As responsibility leaves room for personal freedom, there ought to be self-awareness in fulfilling such a duty. *Siberia, Siberia* was written to preach such a world order. Due to the way the material was collected, the facts were interpreted, and the essay chapters were structured – all to serve the purpose of expressing the author's position – the whole text can be classified as a *treatise*. Singularity of the treatise is demonstrated by presenting the facts that confirm the existence of connectivity and concurrence between the Divine and the human in everyday life as well as spiritualization of historical processes.

The mindset brought forward by Rasputin can be defined as anthropic theological natural philosophy which recognizes and justifies the presence of the human in twofold concordance with the Creator and the Nature. Special emphasis is placed on the Russian exploration of Siberia and subsequent experience of living with local peoples and being in touch with the nature. The aforementioned experience is analyzed objectively as it consisted of triumphs and crimes, great accomplishments and major failures. The applicability of the ideal is illustrated with such facts as discovery of the principal solutions to the problems of multicultural dialogues and peaceful co-existence of the peoples, successful development of the cities as well as rapid construction of the Trans-Siberian Railway. Still, the experience of the past and self-sacrificing activity of certain people in the present does not change the current politics of rapacious burglary dictated by the norms of the modern civilization. The author equates the current state of Siberia with that of the world colony.

The book calls for the advance of positive and critical consciousness in the Russian person. For Rasputin "Siberia is more Russia than Russia". Such a stance is to nullify any thoughts of secession and silence any debates about the Eurasian mission of the region. The concept of memory, fundamental for Rasputin's ethics and ideas of cultural life-design, urges us to recreate the image of the Siberian explorers as those conveying the will to liberty, people's initiative, spiritual power and endurance rooted in severe natural conditions. It is the significance of the past national experience that betokens the accomplishment of the historical mission of the nation while ensuring the contribution of Russia, strengthened by the Siberian potential, to the resolution of the global problems and provision of the needs of humanity. Likewise, it creates a path for a change of the spiritual vector of history and a way out of the dead-end civilization that defied nature.

References

1. Rasputin, V.G. (2006) *Sibir', Sibir'...* [Siberia, Siberia]. Irkutsk: Izdatel' Saponov.
2. Rasputin, V.G. (1991) *Sibir', Sibir'...* [Siberia, Siberia]. Moscow: Molodaya gvardiya.

3. Ivashkovskiy, V. (1991) Kniga, kotoruyu Valentin Rasputin sozdaval 10 let [The book that Rasputin created during 10 years]. *Rabochaya tribuna*. 13 December. p. 2.
4. Rasputin, V.G. (2001) Veyut li vikhri vrazhdebnye? Beseda gl. red. zhurn. "Sibir" V. V. Kozlova s V. G. Rasputinyam [Do hostile whirlwinds blow? Interview of Ch. Ed. of the Siberia magazine Vladimir Kozlov with V.G. Rasputin]. *Sibir*. 5. pp. 3–8.
5. Kaminskiy, P.P. (2012) "Vremya i bremya trevog". *Publitsistika Valentina Rasputina* ["Time and burden of worries". Journalism of Valentin Rasputi]. Moscow: FLINTA: Nauka.
6. Nebol'sin, P.I. (1849) *Pokorenie Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Conquest of Siberia. A historical research]. St. Petersburg: Tip. I. Glazunova.
7. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 5 t.* [History of Siberia. Since ancient times to the present day. In 5 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
8. Shutova, Ya. (2016) Sibirskaya Atlantida [Siberian Atlantis]. *Irkutsk*. 5. 11 February. p. 11.
9. Yakimova, L.I. (ed.) (1982) *Ocherki russkoy literatury Sibiri. V 2-kh t.* [Essays on the Russian literature of Siberia. In 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
10. Olekh, L.G. (2013) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks.
11. Kanon+. (2009) Traktat [Treatise]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon+. [Online]. Available from: http://enc-dic.com/enc_epist/Traktat-740.html.
12. Rasputin, V.G. (2007) *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [Searching for the shore: Tale, sketches, articles, speeches, essays]. Irkutsk: Izdatel' Saponov.
13. Mozheyko, M.A. (2003) Realizm [Realism]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. 3rd ed. Minsk: Knizhnyy Dom.
14. Yelizarova, E.D. (2007) *Valentin Grigor'evich Rasputin: bibliogr. ukaz.* [Valentin Rasputin: bibliography]. Irkutsk: Izdatel' Saponov.
15. Rybal'cheno, T.L. (2007) [Intuition of the metaphysical in the prose of V. Rasputin]. *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya. Vyp. 16. Mir i slovo V. Rasputina* [Three Centuries of Russian literature: Relevant Aspects of the study. Vol. 16. World and word of Rasputin]. Proceedings of the international conference dedicated to the 70th anniversary of V.G. Rasputin. Moscow; Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 6–25. (In Russian).
16. Vyazovskiy, V.S. (2003) Antropnyy printsip [Anthropic Principle]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. 3rd ed. Minsk: Knizhnyy Dom.
17. Galimova, E.Sh. (2012) Arkhetipicheskiy obraz reki v khudozhestvennom mire Valentina Rasputina [The archetypal image of the river in the artistic world of Valentin Rasputin]. *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina* [Time and creativity of Valentin Rasputin]. Proceedings of the international conference dedicated to the 75th anniversary of V.G. Rasputin. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 98–109. (In Russian).
18. Imikhelova, S.S. (2015) Obraz-simvol Angary v proze V. G. Rasputina [Symbol image of the Angara in the prose of V.G. Rasputin]. In: Plekhanova, I.I. (ed.) *Tvorcheskaya lichnost' Valentina Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazhenie – otkrovenie* [Creative personality of Valentin Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation]. Irkutsk: Irkutsk State University.